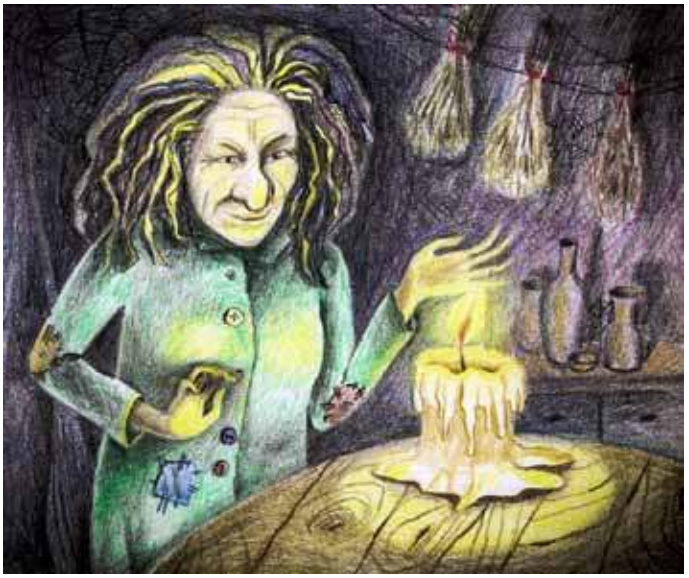
Жил когда-то царь Матвей.
Не найти царя правей!
Царского величия
Пруд пруди в наличии.
Все вокруг его балуют,
Ноги батюшке целуют.
Каждый день пред ним без лени
Преклоняются колени.
Океан течёт речей:
«Царь великий, свет очей!»
Тяжела его забота:
Встречи, рауты, охота,
По ночам хмельные кружки,
Карты, милые подружки.
Жил с размахом и фасоном
В радость собственной персоны.
Так прожив лет сорок пять,
Повернуть он время вспять
Захотел — решил жениться
На молоденькой девице.
«Я великий царь-надёжа,
Золотом слепит одёжа,
Сущему всему отец.
Словом, скачет пусть гонец,
Да по всем окрестным землям.
Пусть благоговеют, внемля
Моему желанию,
Сердца возгоранию!»
И со всех земель окрестных
Множество девиц прелестных
Приходили на смотрины —
Просто сердца именины!
Были здесь и баронессы,
И простушки, и принцессы,
Только рот царя кривился,
Будто ядом отравился.
Всё не эдак и не так,
Девы все — ценой пятак!
То бледна, то полновата,
То улыбка глуповата,
То одета не с плеча.
Царь серчает сгоряча:
«Мне нужна такая дева,
Чтобы с виду королева,
Чтобы все сказали: «Ах...»
В это время в тех краях
Проживала старица,
Видом не красавица.
Про неё мы скажем смело:
Колдовать она умела
И могла оборотиться
Человеком или птицей.
Вот прослышала колдунья,
Что великий царь в раздумьях,
И не может он решиться,
С выбором определиться.
И подумала старушка:
«Сколько можно жить в избушке?
Поживу-ка я в палатах!
Там хоть целый день со злата
Ананасы вилкой ешь!
Хоть у старика и плешь,
И лицо его в морщинах,
Но какой ни есть — мужчина.
Да и я немолода».
И колдует: «В никуда
Уходи-ка всё былое,
Дай мне тело молодое, —
А потом, задув свечу: —
Я царицей стать хочу!»
День настал, и на смотрины
Входит дева, как картина, —
Длиннонога и стройна.
Вот из-за такой война
Началась когда-то в Трое.
Краше королевы втрое,
Белолица, черноока,
Грудь вздымается высоко,
Гордый профиль и осанка,
Бриллиантовой огранки
Камни-перстни на руках.
Отовсюду слышно: «Ах...»
У царя был дружка-шут —
Обормот и баламут,
Он в любимцах значился,
Целый день дурачился.
Говорлив и беззаботен.
Тут и говорит он: «Мотя,
Ты сначала это чудо
Расспроси — мол, кто, откуда?»
Царь в ответ: «Она находка!»
Молодящейся походкой —
К ней. Берёт под ручки белы,
Посмотрев в лицо несмело:
«Опасаюсь я спросить...
Кто изволите вы быть?»
Дева, приподнявши бровь:
«С детства голубая кровь, —
Говорит, — во мне бежит».
Царь вокруг неё кружит:
«Это видно, без сомненья,
И другого нету мненья.
Я спросил на всякий случай...»
И подумал: «Гад ползучий,
Подучил меня с расспросом!
Мне бы не остаться с носом,
Ну как дева рассердилась?!»
Время свадьбы утвердилось,

Иллюстрация к сказке Елены Усыниной

Царь готовится к венчанью:
«Это будет воздаянье
Мне за ратные труды —
Жизни райские плоды».
На него дивится знать.
Стоит только ей сказать
(Где же глыба, где скала?),
Все убрали зеркала:
«Дверь в потусторонний мир,
Искажается эфир...»
Срочно заменили люстры:
«Свет от них невнятно-тусклый...»
И ковёр из жёлтых пятен:
«Этот цвет мне неприятен...»
Всё бросает ей под ноги!
Сразу выросли налоги
И по швам трещит казна
Словно кошелёк без дна.
Ропщут старики-бояре:
«Отче, быть кровавой сваре!»
Только царь-отец влюблён,
Будто солнцем ослеплён.
Ведьма за свои труды
Ела сочные плоды.
Жизнь, как книжицу, листая,
Одевалась в горностаи.
Веселилась от души
И купалась в роскоши.
Только вот жених постыл,
Хоть чуть-чуть бы поостыл!

«Надо подыграть царю,
После свадьбы — уморю».
Ну а в это время шут —
Шельма, шарлатан и плут —
Прятался на чердаке.
На соломе, в бардаке,
Он лежит немыт, всклокочен,
Видеть царь его не хочет,
У него болван в опале.
Думает: «Старик в запале,
Как мальчишка, куролесит,
Но девица просто бесит!
Гнёздышко себе свила,
Убирает зеркала...
Чую, что-то здесь не так...
Это дело — не пустяк».
Всем известно — в изразцах
Уши есть у стен дворца
И, проделанные впредь, —
Глазки, чтобы подсмотреть.
Стал следить за девой шут,
Негодяй, нахал и плут.
И увидел он такое!
Находясь в своих покоях,
Дева резко повернулась,
И ... старухой обернулась!
Ох, страшна, как смертный грех!
Ну а плут — бегом наверх,
Вмиг залез на свой чердак,
Отдышавшись, мыслил так:



«Думай, думай, голова...
Знаю, что моим словам
Царь значенья не придаст
Да ещё по шее даст.
А не будет он остужен,
Станет старой ведьме мужем».
А потом — вон из дворца,
Как исчез с земли лица.
Раз проснулся царь Матвей,
На доклад спешит лакей:
«Ваша светлость, иноземец,
Итальянец или немец,
С раннего утра хлопочет,
Вашу милость видеть хочет.
Что же с иноземца взять...»
Царь-отец велит: «Принять!»
И девица встала рядом,
Чудака окинув взглядом:
Весь заросший бородой,
Но, похоже, молодой,
В необъятный плащ одетый,
Волос длинный под беретом,
За спиной походный ранец.
Сразу видно — иностранец.
В шарф закутавшись, лопочет,
Что нарисовать их хочет:
«Слух о красота невеста
Разлетелось повсеместно.
Мой художник. Вас, о други,
Предлагаю мочь услуги.
Вот для разный ситуаций
Много мой рекомендаций
От царёв и королев...»
И продолжил нараспев:
«Напишу вам в лучшем виде,
Вас не будете в обиде.
Мой позировать не надо,
Мой хватило просто взгляда,
Я запомнить ваши лица —
И царя, и молодица».
Царь целует девы руку:
«И минутную разлуку
Я не в силах превозмочь.
Буду я и день, и ночь
Любоваться на портрет.
Ты согласна или нет?»
А в ответ: «Ну что же, Мотя,
Пусть рисует, я не против...»
День проходит, два и три,
А художник: «Нет смотри!
Мой работать, цвет не ярок,
Это к свадьба вас подарок».
И малюет день-деньской,
Заперевшись в мастерской.
Вот и свадьбы день отрадный,
Царь надел костюм парадный —
Юноша, ни дать ни взять.
До мечты рукой подать:
«Вот уж близко счастье наше...»
А невеста — нету краше —
В белых, будто снег, шелках,
Словно лебедь в облаках.
Под руку взяла царя:
«Как всё мило...», — говоря.
Тут художник (где акцент?)
Говорит: «Один момент,
Ваш уже готов портрет.
Ну-ка, слуги, дайте свет!
Подойдите, встаньте ближе,
Вы готовы, как я вижу».
Слуги распахнули шторы
И на автора все взоры.
Он с картины ткань срывает...
Зеркало... Так не бывает —
Там, в зеркальном отраженье,
Не придумать выраженья,
Не девица — образина!!!
На секунду рот разинув,
Царь кричит: «Да что такое,
Это зеркало кривое!»
Ведьма ж, прошептав заклятье,
Вон — из свадебного платья.
Стала чёрною вороной!
Ловко уронив корону
Взмахом сильного крыла
С благородного чела,
Лиходейская напасть
Быстро за окошко шасть,
На прощанье крикнув: «Кар-р-р!»
Тут царя хватил удар...
А художник — вот так плут —
Снял наряды... это шут!
И кричит царёвой свите:
«Срочно лекаря зовите!»
После этого колдунья
Долго не была в раздумьях,
Так и улетела птицей.
Трудно в хатку возвратиться
Из царёвых-то палат
Да надеть рваньё-халат,
Потерпев полнейший крах.
Ведьму больше в тех краях
Никогда никто не видел.
Царь недолго был в обиде.
Он, когда восстановился,
К Богу с верой обратился
И не думает жениться.
Попивает чай с душицей,
Рассуждает о душе,
Спит и нюхает саше.
А делами правит шут —
Дуралей, нахал и плут.